

статья С. Вихмана. Особое внимание автор уделяет следующим фактам: (i) падежные показатели присоединяются к глаголу; (ii) эргатив морфологически немаркирован; (iii) падежная система включает не зафиксированный нигде больше падеж, который Вихман называет «пегативом», – он кодирует актора, вовлеченного в ситуацию, где также имеется претерпевающий, оформленный дативом (при этом если претерпевающий оформлен абсолютивом, то актер принимается показателем эргатива).

В последней статье сборника «'Падежные отношения' в лаосском, изолирующем языке», написанной Н. Энфилдом, показано, как значения, во многих языках мира оформляемые падежными формами, могут быть переданы при помощи других стратегий, в частности, строго фиксированного порядка слов. В статье подчеркивается, насколько важен в случае изолирующего языка контекст, восполняющий недостаток эксплицитного грамматического маркирования.

Оценивая книгу в целом, следует, безусловно, отдать должное редакторам, проделавшим очень непростую и трудоемкую работу по созданию действительно всеобъемлющего и актуального справочника. Удачно выдержан баланс как между теоретической и, так сказать, практической, описательной частями, так и между отдельными составляющими этих частей; подробно изложены основные принципы и методики различных лингвистических направлений и теорий, значительное место уделяется также историческому аспекту. Что касается языкового материала, то в рецензии мы уже неоднократно отмечали его разнообразие; в справочнике представлены практически все важнейшие языковые группы и ареалы, релевантные для данной проблематики.

Полагаем, что «Оксфордский справочник по падежу» (несмотря на немногочисленные, главным образом, технические погрешности) отвечает самым взыскательным критериям и может

считаться в какой-то степени образцовым изданием такого рода. Его востребованность и польза как для профессиональных лингвистов, так и – в особенности – для самого широкого круга студентов не вызывают сомнений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Aissen 1999 – *J. Aissen*. Markedness and subject choice in optimality theory // *Natural language and linguistic theory*. 1999. 17.
- Aissen 2003 – *J. Aissen*. Differential object marking: Iconicity vs. economy // *Natural language and linguistic theory*. 2003. 21.
- Beard 1995 – *R. Beard*. *Lexeme morpheme base morphology*. New York, 1995.
- Haspelmath 2003 – *M. Haspelmath*. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // *M. Tomasello* (ed.). *The new psychology of language*. V. 2. Mahwah (NJ), 2003.
- Kempen, Hoenkamp 1987 – *G. Kempen, E. Hoenkamp*. 1987. An incremental procedural grammar for sentence formulation // *Cognitive science*. 1987.11.
- Legendre et al. 1993 – *G. Legendre et al.* An optimality-theoretic typology of case and grammatical voice systems // *Proceedings of the 19th Meeting of the Berkeley linguistics society*. Berkeley, 1993.
- Lehmann 2006 – *C. Lehmann*. Participant roles, thematic roles and syntactic relations // *M. Shibatani, T. Kageyama* (eds.). *Voice and grammatical relations: In honor of Masayoshi Shibatani*. New York, 2006.
- Spencer, Otaguro 2005 – *A. Spencer, R. Otaguro*. Limits to case – A critical survey of the notion // *M. Amberber, H. de Hoop* (eds.). *Competition and variation in natural languages. The case for case*. Oxford, 2005.

Кс.П. Семёнова

Chr. König. Case in Africa. Oxford: Oxford university press, 2008. xx + 343 p.

Категория падежа и падежные системы никогда не были в центре внимания африканистики, что очевидным образом связано с тем, что в значительном большинстве языков Африки, в том числе и в ряде наиболее подробно исследованных, такой грамматической категории нет (или она не была обнаружена, см. ниже). Аналогичным образом, в теоретических и типологических работах по падежу африканский материал обычно привлекается лишь спорадически

(ср. недавно вышедшую энциклопедию падежа [Malchukov, Spencer (eds.) 2009], на страницах которой данные таких языков, как, например, австралийские, нахско-дагестанские или японский, распределены относительно равномерно, в то время как африканские языки систематически упоминаются лишь в нескольких статьях). Такое положение дел не может не огорчать, поскольку немногие (исчисляемые, однако, трехзначной цифрой) «падежные» языки

Африки представляют исключительный интерес с точки зрения типологии падежа, которая без учета их данных оказывается существенно неполна, и, шире, морфосинтаксиса предложения вообще. В этом смысле монография немецкой исследовательницы Кр. Кёниг «Падеж в Африке» (наряду с посвященным более общим проблемам кодирования актантов сборником [Dimmendaal (ed.) 2009]) являет собою чрезвычайно весомый и долгожданный вклад как в африканистику, так и в типологию.

Следует сразу оговориться, что Кёниг не ставит своей целью дать полный и исчерпывающий обзор всех представленных в Африке падежных явлений. В центре ее внимания в первую очередь оказываются вопросы, связанные с кодированием **ядерных актантов** предложения: единственного аргумента переходного предиката (S), более агентивного (A) и более пациентивного (O) аргументов переходного предиката. Такие вопросы, как способы выражения периферийных семантических функций (в частности, пространственных) или кодирование применимых зависимых, а также ряд других важных проблем, в книге не рассматриваются. Кёниг эксплицитно сообщает об этом во Введении (с. 33), справедливо отмечая, что освещение этих тем потребовало бы отдельной монографии. Подобное ограничение проблематики представляется вполне оправданным – именно вопрос о кодировании ядерных актантов традиционно является центральным при изучении падежных систем, и именно в этой области падежные категории языков Африки, как кажется, демонстрируют наиболее нетривиальное поведение. Тем не менее, хочется надеяться, что вопросам, оставшимся вне рассмотрения в рецензируемой книге, в ближайшем будущем также будет уделено внимание.

В соответствии с рассматриваемой проблематикой, изложение в книге следует известным типам (стратегиям) кодирования ядерных актантов. Важной и безусловно оправданной инновацией Кёниг является выделение наряду с традиционными аккумулятивной и эргативной стратегиями кодирования еще одного типа – **маркированно-номинативного** (marked-nominative), наиболее частотного среди падежных языков Африки. Данная стратегия кодирования, подобно аккумулятивной, объединяет функции S и A (номинатив) и противопоставляет их функции O (аккумулятив). Отличие маркированно-номинативного типа от собственно аккумулятивного состоит в том, что аккумулятивная стратегия предполагает морфологическую маркированность аккумулятива при немаркированности номинатива (ср. универсалию Дж. Гринберга № 38: «при существовании падежной системы единственный падеж,

имеющий только нулевые алломорфы, – это тот, который в число своих значений включает значение субъекта переходного глагола» [Гринберг 1970/1966: 140]), в то время как при маркированно-номинативной, напротив, морфологически более сложным оказывается номинатив. Существование данного типа кодирования, противоречащего только что процитированной универсалии Гринберга, признавалось довольно давно (см., например, [Dixon 1979: 76–78]), однако лишь в самые последние годы, во многом благодаря работам Кёниг (см. в первую очередь статьи [König 2006; 2009a]), стало понятно, что маркированно-номинативная стратегия не редкое исключение, но довольно широко представленный в языках мира и заслуживающий всяческого интереса языковой тип (эта точка зрения отчасти получила подтверждение и во «Всемирном атласе языковых структур» [Haspelmath et al. 2005], см. карту 98)¹. Открытие параллельных маркированному номинативу случаев «маркированного абсолютива», т. е. морфологического кодирования объединения функций S + O в противовес нулевому кодированию функции A (эргатив), по крайней мере в двух австронезийских языках (ниас [Brown 2001] и ровиана [Corston 1996]), служат дополнительным и важным подтверждением того, что при рассмотрении маркирования актантов необходимо уделять внимание не только тому, какие функции объединяются или противопоставляются, но и тому, как соотносятся друг с другом выражающие их морфологические средства.

Другая яркая черта падежных систем языков Африки, наряду с маркированным номинативом, – широкое использование для выражения падежей супraseгментных средств (тонов). В ряде языков (например, в нилотских масаи и нанди) тоны служат единственной экспонентой падежа. Данное явление, внимание к которому было привлечено уже в статье [Bennett 1974], не только практически не отмечается за пределами Африки, но и послужило в ряде случаев препятствием для изучения африканских падежных систем. Супraseгментные противопоставления требуют иных средств и стандартов исследования, чем более привычная лингвистам аффиксальная морфология. Недостаточное внимание исследователя к тону могло привести к тому, что тоновое противопоставление, при более внимательном анализе признававшееся падежным, оказывалось про-

¹ В настоящее время типологическое изучение маркированно-номинативных систем проводит немецкая исследовательница К. Хандшу (Лейпциг), см., например, статью [Handschuh 2008].

сто незамеченным. Отмечу также, что в ряде случаев падежи не постулировались даже в тех языках, где для их выражения используются аффиксальные средства, что связано как с типологически нетривиальными особенностями африканских падежных систем, так и неадекватными европоцентрическими концепциями авторов описаний.

Падежные системы в языках Африки распределены весьма неравномерно (см. карту на с. 291; отмечу в качестве одного из несомненных достоинств книги, что рассмотрение каждой темы сопровождается подробными лингвистическими картами). В основном они сосредоточены на Северо-Западе (берберские языки) и в восточной части Центральной Африки (от озера Чад до побережья Индийского Океана) в языках афразийской семьи (эфио-семитские, кушитские и омотские) и в многочисленных группах, традиционно, вслед за Дж. Гринбергом, объединяемых в гипотетическую нило-сахарскую «макросемью» (нилотские, сурмийские, сахарские и др.). Языки двух других африканских «макросемей» (фактически, столь же гипотетических) – нигеро-конголезской и койсанской, – напротив, за немногочисленными и не всегда надежными исключениями (ряд южных языков манде, некоторые языки банту в Анголе и койсанский язык нама) падежей не имеют. Самая «богатая» падежными системами область Африки – Эфиопия и смежные с ней районы Судана, Кении и Уганды, где несколько групп языков (кушитская, омотская, nilотская, сурмийская и сахарская) образуют подобие языкового союза (см. карту на с. 194). Представленные в этой области падежные системы, наряду со значительным разнообразием, демонстрируют также нетривиальные черты сходства (использование тонов для маркирования падежа, маркированно-номинативный тип кодирования, зависимость падежного маркирования от положения именных групп относительно глагола).

Помимо взятого за основу в книге Кёниг типа кодирования ядерных актантов, африканские падежные системы различаются по ряду параметров. Богатые системы здесь скорее редкость (ср. кушитский язык аунги с двенадцатью суффиксальными падежами или nilотский туркана, где семь падежей выражаются тонами), обычно различаются от двух до четырех-пяти падежей. Весьма разнообразны и морфологические средства, используемые падежными системами. Наряду с уже отмеченными тонами, встречаются системы с более привычными аффиксальными падежами, системы, где падежные отношения маркируются при помощи служебных слов (последлогов, как в сахарских языках тубу и канури, или предлогов,

как в nilотском языке шиллук), а также системы, где падеж выражают чередования в основе (берберские языки и, например, кушитский язык кабена). Особый интерес представляют системы, где падежи (а также в ряде случаев и другие грамматические категории) выражаются при помощи целого комплекса сегментных и несегментных средств, подчас весьма сложно организованного. В некоторых языках с богатыми падежными системами можно выделить несколько «ярусов» показателей, поскольку периферийные падежи образуются присоединением дополнительных аффиксов к формам ядерных падежей (таков, например, омотский язык маале).

В ряде языков падежное маркирование ядерных актантов является факультативным (уже упомянутый тубу) или применяется лишь к именам с признаком определенности (многие афразийские и отдельные nilотские языки). Во многих случаях особым образом ведут себя личные местоимения, а в южных языках манде (как и в ряде других языков Африки) лишь у них имеются падежные противопоставления.

Книга Кёниг состоит из шести глав (включая Введение и Заключение) и двух приложений (не считая обширной библиографии и указателей). Важная особенность книги состоит в том, что помимо общего обзора и сравнительного анализа интересных явлений, каждая глава содержит подробные очерки падежных систем конкретных языков, относящихся к разным группам и семьям. В общей сложности таких очерков в книге более двадцати, что делает ее ценнейшим источником сведений, зачастую иным образом недоступных читателю-неафриканисту.

В пространном Введении (с. 1–35) Кёниг дает оценку состоянию исследований падежей в африканских языках и описывает теоретическую и методологическую базу монографии. Основная часть Введения посвящена терминологическим вопросам и содержит определение и обсуждение всех основных понятий, используемых в книге. Укажу, что, в соответствии с отмеченным выше решением рассматривать лишь кодирование ядерных актантов, Кёниг принимает оправданное в данном контексте, однако с типологической точки зрения не вполне безупречное, соглашение считать падежом лишь такую грамматическую категорию, элементы которой способны противопоставлять S, A и O (с. 31). Отмечу также, что рассматривая конкретные падежные системы, Кёниг уделяет внимание порядку слов и глагольному согласованию, которые могут нетривиальным образом взаимодействовать с собственно падежом.

В главах 2–4 (с. 36–203) рассматриваются, соответственно, аккузативные, эргативные и

маркированно-номинативные падежные системы. Ограниченный объем журнальной рецензии не позволяет изложить содержание этих центральных в книге глав с должной подробностью (в том числе со всеми необходимыми иллюстративными примерами), поэтому я остановлюсь лишь на наиболее интересных и ярких моментах.

В типологии хорошо известны разнообразные случаи так называемого «расщепленного» падежного маркирования (*split case-marking*), когда в зависимости от таких факторов, как тип именных групп, глагольная категория или статус предикации, может меняться характер кодирования актантов. Такого рода явления в основном рассматривались на материале языков семьи пама-ньюнга (Австралия), а также индоиранских и тибетских языков. Африканский материал в связи с этой проблематикой практически не привлекался. Между тем одна из наиболее разветвленных и сложных «расщепленных» систем кодирования представлена в языке ик (группа кулиак, Уганда), данные которого подробно освещены на с. 72–88, а также в более ранней специальной монографии Кёниг [König 2002] и в ее статье в упомянутой выше энциклопедии падежа [König 2009b]. В языке ик выбор падежа субъекта и объекта зависит от таких факторов, как независимый vs. подчиненный статус клаузы (в зависимых клаузах все ядерные участники кодируются аккузативом), склонение (индикатив vs. императив), порядок слов (топиализованные объекты оформляются номинативом), а также класс субъекта (при субъекте 1 или 2 лица объект вместо аккузатива кодируется номинативом). Особенно сложная система кодирования представлена в локативных, бытийных и связочных конструкциях.

Африканские языки традиционно не были также в сфере внимания исследователей эргативности. В работах по данной проблематике Африка обычно упоминается как «континент без эргативности». Действительно, эргативный тип кодирования актантов представлен в Африке лишь единичными системами, причем признанными в качестве эргативных лишь сравнительно недавно. Наиболее, видимо, известная из них имеется в западно-нилотском языке пари (Päri) [Andersen 1988]. Пари и родственные ему языки интересны не столько наличием в них редкой для Африки стратегии кодирования актантов, сколько тем, как последовательно она в них проводится. В языках пари, аньва, луо и шиллук эргативность не ограничена падежным маркированием полных именных групп и распространяется также на глаголь-

ное согласование и порядок слов (SV/OVA²), а в языке шиллук также на возможность опущения актантов. Несмотря на то, что во всех указанных языках, кроме шиллук, эргативная стратегия представлена лишь в части типов предикаций, конструируя с маркированно-номинативной, западно-нилотские языки могут послужить хорошим примером последовательно эргативной организации морфосинтаксиса. Кроме того, данные группы близкородственных языков оказываются весьма ценны для понимания путей возникновения систем падежного маркирования. Сравнение ситуаций в пари и аньва приводит Кёниг к выводу, что падежный показатель эргатива в этих языках возник из показателя определенности через промежуточную стадию аффикса маркированного номинатива. Такой диахронический сценарий, в частности, противоречит выдвигавшимся ранее (ср. [Dixon 1979: 77; Plank 1985: 304]) умозрительным гипотезам, согласно которым маркированно-номинативный тип кодирования возникает в результате «экспансии» эргативного показателя.

Еще один случай, допускающий эргативную трактовку, был описан в недавних работах В.Ф. Выдрин [Выдрин 2006; Vydrine 2006] для ряда языков южной группы семьи манде, где имеется особая эргативная серия личных местоимений. Кёниг подвергает сомнению такую трактовку на с. 133–135, однако ее критика кажется неубедительной. Не вдаваясь в обсуждение специфических особенностей морфосинтаксиса языка гуро, отмечу, что Кёниг смешивает две серии эргативных местоимений – независимую (со средним тоном) и слитную с объектными местоимениями 3-го лица (с низким тоном), – вследствие этой ошибки приписывая В.Ф. Выдрину диахронические утверждения, которых тот в действительности не делал. Отвергая (с. 135) эргативную трактовку данной серии местоимений на основании того, что они могут выражать субъект рефлексивных конструкций, Кёниг исходит из неверной предпосылки, будто такие конструкции непременно являются морфосинтаксически непереходными.

Перейдем к наиболее подробно освещенному в книге вопросу о природе маркированно-номинативных систем кодирования. Возможно, самый важный обобщающий результат этой части исследования Кёниг состоит в обнаружении функциональной мотивации такого

² Стоит указать, что порядок слов со средним положением сказуемого редок в эргативных языках, точно так же, как вообще редок порядок слов с объектом, предшествующим субъекту.

типа кодирования. Сопоставление функций немаркированного аккузатива и маркированного номинатива в целом ряде языков показывает, что формальная маркированность коррелирует с ограниченной дистрибуцией номинатива, в то время как немаркированная форма выступает, помимо «объектных» контекстов, также в значительном числе различных функций. Так, в сурмийском языке теннет номинатив (суффикс *-l*) лишь маркирует субъект, причем только при начальном положении сказуемого, в то время как аккузатив (нулевой показатель) употребляется в функциях цитации, присвязочного предиката, субъекта в позиции перед сказуемым, а также объекта (в том числе вводимого аппликативными деривациями). Очевидно, что аккузатив в теннет и других языках данного типа употребляется заметно чаще, чем номинатив, а морфологическая маркированность, как известно [Haspelmath 2006], коррелирует с частотностью. Несмотря на то, что в разных языках с маркированным номинативом распределение функций между ядерными падежами разное (см. таблицу на с. 158), большее разнообразие функций аккузатива по сравнению с номинативом наблюдается в самых разных группах языков (в сурмийской, нилотской, кушитской, омотской) и может считаться важной типологической характеристикой данного класса языков.

Помимо «прототипических» маркированно-номинативных систем, где аккузатив имеет нулевой показатель, Кёниг выделяет в отдельный подтип языки, где оба ядерных падежа – номинатив и аккузатив – морфологически маркированы. Языки данного подтипа немногочисленны и в основном относятся к кушитской (восточная ветвь) и омотской семьям. Интересно, что в этих языках аккузатив имеет менее широкую дистрибуцию, нежели в других маркированно-номинативных системах. Весьма показательна в этом смысле система омотского языка харо, где наряду с суффиксальными номинативом, аккузативом и рядом периферийных падежей имеется немаркированная «беспадежная» форма, выступающая в функции цитации; при ее помощи кодируются также неопределенные ядерные актанта³. Тем самым, различие между двумя типами маркированно-номинативных систем также оказывается мотивированным.

Отдельный раздел (с. 178–192) посвящен возможному диахроническим истокам маркированного номинатива. Кёниг рассматривает

³ Данная система является яркой типологической параллелью к падежным системам адыгских языков, о которых см., в частности [Кумахов 1971].

возможные пути возникновения таких систем в разных языках, в основном привлекая данные внутренней реконструкции морфосинтаксиса и внешнего сопоставления между родственными языками и опираясь на гипотезы, выдвинутые предшественниками. В качестве вероятных источников маркированного номинатива постулируются агенс пассивных конструкций (нилотские языки масаи и динка), показатель определенности (западно-нилотские и берберские языки), показатель топика (восточно-кушитские). Что касается упомянутой выше гипотезы о возможном происхождении маркированно-номинативных систем из эргативных, то Кёниг вполне убедительно отвергает такой сценарий, предполагавшийся для языка теннет в работе [Randal 2000]. Интересны также наблюдения Кёниг о роли ареальных факторов в развитии маркированного номинатива; в частности, она предполагает, что в нилотских и других неафриканских языках Восточной Африки системы с маркированным номинативом возникли под влиянием кушитских языков; переход же ряда кушитских языков к обычной аккузативной системе Кёниг объясняет влиянием эфиосемитских языков. К сожалению, за отсутствием письменных памятников, отражающих сколько-нибудь давнюю историю африканских языков, данные гипотезы остаются на спекулятивном уровне.

В порядке критики укажу, что выдвинутое Кёниг на с. 198 обобщение о связи между маркированным номинативом и тоновым выражением падежей (во многом оно основано на неверном, по моему мнению, анализе данных языков банту, см. ниже) кажется весьма странным, если учитывать, что, во-первых, грамматические изменения тонов – одна из характернейших черт языков Африки, выходящая далеко за пределы немногих «падежных» языков, и, во-вторых, системы с маркированным номинативом вовсе не обязательно используют тоны как в языках Африки, так и за ее пределами.

Пятая глава книги (с. 204–282) посвящена ряду явлений, связанных с функционированием падежей в африканских языках. Во-первых, это тоны, и здесь Кёниг обращается к материалу нескольких языков западного ареала семьи банту (зона R: умбунду; зона K: нгангела, лукази и др.; зона B: исангу и др.). Наиболее подробно Кёниг останавливается на довольно детально описанной системе языка умбунду, где у некоторых имен различаются две формы: «номинатив» с начальным низким тоном и «аккузатив» с начальным высоким тоном. Особенностью «аккузатива» в умбунду является его способность оформлять самые разные синтаксические роли (в том числе периферийные) при

условии, что соответствующая именная группа непосредственно следует за глаголом. Предшествующий глаголу субъект, равно как и все именные группы, следующие за глаголом не непосредственно, оформлены «номинативом». По мнению Кёниг, такая система может быть сопоставлена с маркированно-номинативными языками Восточной Африки. Такой анализ, однако, не представляется мне вполне убедительным. Фактор порядка слов, в первую очередь, противопоставление позиций перед и после сказуемого, действительно, играет чрезвычайно важную роль в африканских падежных системах, однако ни в одном из рассмотренных в других главах книги языков не был релевантен признак «дистантное vs. контактное расположение относительно глагола». Как кажется, системы вроде представленной в умбунду или в близкородственном языке гереро (см. статью [Marten, Kavari 2005], данные которой в книге Кёниг не учтены) не удовлетворяют главному признаку падежа [Blake 2001: 1] – способности разных граммем этой категории маркировать различные типы зависимости именных групп от предиката. Изменение тона в умбунду маркирует не тип семантико-синтаксической зависимости, а лишь линейную позицию именной группы в предложении. Отмечу также, что даже если признать тоновое противопоставление в умбунду экспонентом падежа, невозможно трактовать эту систему как маркированно-номинативную, хотя бы потому что «номинатив» в ней является формой с неограниченной дистрибуцией. Наконец, пространное обсуждение возможных путей развития такой системы на с. 212–217 кажется неубедительным и внутренне противоречивым, основанным лишь на спекулятивных домыслах, а не на результатах возможной для столь хорошо изученной группы близкородственных языков, как банту, сравнительно-исторической реконструкции.

В пятой главе также обсуждается связь падежного маркирования с категорией определенности. Кёниг рассматривает кушитские языки, в частности, бурджи, где противопоставлены определенный и неопределенный варианты номинатива, а также эфиосемитские языки. В этой связи следует указать на несколько неточностей в изложении. Так, на с. 226 Кёниг приводит геэз и амхарский в одном ряду с языками, где, по ее словам, аккузатив оформляет лишь функцию O. Это, однако, неверно: как в геэзе, так и в амхарском аккузатив (точнее, косвенный падеж) способен выражать также ряд других функций, включая периферийные (см. [Weniger 1999: 38–39] для геэза и [Leslau 1995: 183, 185, 893–895] для амхарского; Кёниг не упоминает также весьма релевантные для

обсуждения кодирования ядерных актантов конструкции с аккузативным кодированием экспериендера в амхарском [Amberber 2005]). Не вполне точно и описание на с. 229 системы местоименных аффиксов в амхарском глаголе.

Одно из наиболее интересных свойств многих африканских падежных систем состоит в устранении падежных противопоставлений в предглагольной позиции («no case before the verb»), которое происходит в языках с базовой позицией глагола в начале предложения. Данное ограничение действует и в маркированно-номинативных, и в эргативных языках, в аккузативных же за единственным исключением (язык ик) представлен порядок слов с конечным положением сказуемого. Кёниг демонстрирует, что ряд исключений из этого правила, например, поведение отрицательных конструкций в теннет, может быть объяснено происхождением этих конструкций из полипредикативных (т. е. переходом от типа $V_1 A V_2 O$ к типу $Neg A V O$). Интересен также случай восточнонилотского языка бари, где изменение базового порядка слов с VSO на SVO привело к утрате падежного противопоставления. Происхождение данного ограничения, по всей видимости, связано с особым статусом предглагольной позиции как грамматикализованного локуса выражения коммуникативно-маркированной информации (топика или фокуса) и опять-таки в ряде случаев с грамматикализацией полипредикативных конструкций, в которых коммуникативно выделенная именная группа выступала в качестве предиката (ср. английские «left constructions» вида *It is John who came*).

Наконец, в предпоследнем разделе пятой главы рассматривается материал нескольких койсанских языков, где наблюдается еще не завершившийся процесс грамматикализации падежных показателей номинатива и аккузатива из маркеров, соответственно, топика или фокуса. Последний случай, засвидетельствованный в языке нама, интересен тем, что «начинающий» показатель объекта в конечном итоге восходит, через промежуточную ступень показателя фокуса, к связочному предикату.

В кратком Заключение (с. 283–289) Кёниг подводит основные итоги исследования и подчеркивает, что ее книга является лишь первым шагом к полноценному исследованию категории падежа в африканских языках, отмечая уже указанные выше вопросы, оставшиеся вне поля ее рассмотрения.

Приложение содержит обобщающую карту падежных систем Африки (с. 291), а также таблицу с обзором падежных систем по генетическим группам языков (с. 292–301), включающую такие данные, как тип падежной системы (аккузативная, эргативная, маркированно-

номинативная), морфосинтаксический тип маркирования, условия «расщепления» падежного маркирования, базовый порядок слов и ряд дополнительных сведений. Отдельное приложение содержит терминологический глоссарий (с. 302–307). Библиография (с. 309–324) из нескольких сотен названий имеет немалую самостоятельную ценность.

Кратко остановлюсь на некоторых недостатках книги Кёниг. Текст книги во многих местах довольно небрежно отредактирован, иногда содержит повторы (например, в списках на с. 286 и 287 некоторые пункты дословно дублируются) или не вполне ясные формулировки. Можно указать и на чисто технические огрехи, например на с. 183 и 185 нарушена нумерация примеров, некоторым библиографическим ссылкам в тексте не соответствует никакая единица в списке литературы, имеется и немало опечаток, в том числе и способных затруднить понимание. Есть отдельные пробелы в библиографии (так, в разделе о берберских языках следовало бы учесть работы [Guersel 1992] и в особенности [Chaker 1988], а при обсуждении амхарского – фундаментальную грамматику [Leslau 1995] и работы [Amberber 2002; 2005]).

Укажу также, что диахронические рассуждения Кёниг иногда кажутся недостаточно проработанными, как логически, так и методологически, и часто носят спекулятивный характер, что уже было отмечено при обсуждении «реконструкции» истории возникновения «тоновых падежей» в умбунду. Аналогичные сомнения возникают и при чтении разделов об эволюции падежных систем берберских языков (с. 180–187). В частности, непонятно, какой статус имеет утверждение (с. 187), что распад маркированно-номинативной системы в ряде берберских языков мотивирован скорее генетическими, нежели ареальными факторами, в свете отмеченного на с. 180 спорного состояния генеалогического древа этой семьи.

Несмотря на указанные недостатки, способные несколько омрачить положительное впечатление от чтения рецензируемой книги, нельзя не повторить, что монография Кристи Кёниг является без сомнения крупным событием и в африканистике, и в типологии, открывая как перед специалистами по конкретным африканским языкам, так и перед типологами весьма полную и богатую картину прежде практически не исследованных африканских падежных систем. Более того, книга Кёниг своей композицией и характером изложения, сочетающим типологические и теоретические наблюдения с подробными «портретами» конкретных систем, могла бы послужить образцом для аналогичных обзорных работ по другим языковым ареалам и категориям.

- Выдрин 2006 – В.Ф. Выдрин. Личные местоимения в южных языках манде // Труды Ин-та лингвистических исследований. Т. 2. Ч. 2. СПб, 2006.
- Гринберг 1970/1966 – Дж. Гринберг. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Б.А. Успенский (ред.). Новое в лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии. М., 1970. (*J.H. Greenberg. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // J.H. Greenberg (ed.). Universals of language. Cambridge (Mass.), 1966*)
- Кумахов 1971 – М.А. Кумахов. Словоизменение адыгских языков. М., 1971.
- Amberber 2002 – М. Amberber. Verb classes and transitivity in Amharic. München, 2002.
- Amberber 2005 – М. Amberber. Differential subject marking in Amharic // М. Amberber, Н. de Hoop (eds.). Competition and variation in natural languages: The case for case. Amsterdam, 2005.
- Andersen 1988 – Т. Andersen. Ergativity in Pāri, a Nilotic OVS language // *Lingua*. V. 75. 1988.
- Bennett 1974 – P.R. Bennett. Tone and the Nilotic case system // *Bulletin of the School of Oriental and African studies*. 1974. V. 37. № 1.
- Blake 2001 – B.J. Blake. Case. 2-nd ed. Cambridge, 2001.
- Brown 2001 – L. Brown. A grammar of Nias Setalan. PhD. Thesis. University of Sydney, 2001.
- Chaker 1988 – S. Chaker. L'état d'annexion du nom // *Encyclopédie berbère*. V. 5. 1988.
- Corston 1996 – O. Corston. Ergativity in Roviana, Solomon islands (*Pacific linguistics ser. B*. № 113). Canberra, 1996.
- Dimmendaal (ed.) 2009 – G. Dimmendaal (ed.). Coding participant marking: Construction types in twelve African languages. Amsterdam; Philadelphia, 2009.
- Dixon 1979 – R.M.W. Dixon. Ergativity // *Language*. 1979. V. 55. № 1.
- Guersel 1992 – M. Guersel. On the case system of Berber // *Canadian journal of linguistics*. 1992. V. 37. № 2.
- Handschuh 2008 – C. Handschuh. Split marked-S case systems // М. Richards, А. Malchukov (eds.). Scales. (*Linguistische Arbeitsberichte* 86). Leipzig, 2008.
- Haspelmath 2006 – M. Haspelmath. Against markedness (and what to replace it with) // *Journal of linguistics*. 2006. V. 42. № 1.
- Haspelmath et al. (eds.) 2005 – M. Haspelmath, M. Dryer, B. Comrie, D. Gil (eds.). World atlas of language structures. Oxford, 2005.

- (Общедоступный электронный вариант: <http://wals.info>)
- König 2002 – *Chr. König*. Kasus im Ik. Köln, 2002.
- König 2006 – *Chr. König*. Marked nominative in Africa // *Studies in language*. V. 30. 2006. №. 4.
- König 2009a – *Chr. König*. Marked nominatives // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford, 2009.
- König 2009b – *Chr. König*. Case in and African language: Ik – how defective a case can be // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford, 2009.
- Leslau 1995 – *W. Leslau*. A reference grammar of Amharic. Wiesbaden, 1995.
- Malchukov, Spencer (eds.) 2009 – A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford, 2009.
- Marten, Kavari 2005 (Ms.) – L. Marten, J.U. Kavari. Tone cases in Herero: The coding of head-complement relations, linear order, and information structure. (Ms.) 2005.
- Plank 1985 – F. Plank. Extended accusative/restricted nominative in perspective // F. Plank (ed.). *Relational typology*. Berlin; New York, 1985.
- Randal 2000 – S. Randal. Tennessean's ergative origins // *Occasional papers in the study of Sudanese languages*. V. 8. Nairobi, 2000.
- Vydrine 2006 – V. Vydrine. Emergence of morphological cases in South Mande: From the amorphous type to inflectional? // L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds.). *Case, valency and transitivity*. Amsterdam; Philadelphia, 2006.
- Weniger 1999 – S. Weniger. *Ge'ez*. München; Newcastle, 1999.

П.М. Аркадьев

В.П. Мякишев. Язык Литовского статута 1588 г. Kraków: Lexis, 2008. 717 S.

В русистике долгое время существовал термин «западнорусский язык». В 1925 г. акад. А.И. Соболевский, возглавив «Комиссию по собиранию материалов по древнерусскому языку», предлагал в качестве одного из направлений формирующейся картотеки (сейчас – Картотека ДРС) собирать материалы для составления словаря западнорусского языка – языка Польско-Литовской Руси по источникам XV–XVII вв. Материалы из подобных источников использовались в различных исследованиях по истории белорусского, украинского и польского языков (см. работы И.И. Лаппо, А.И. Соболевского, Е.Ф. Карского, И.И. Огиенко, А.И. Журавского, И. Франко, В. Витковского и др.), но понятие о западнорусском языке оставалось неопределенным. В рецензируемой книге В. Мякишева рассматриваются разнообразные определения этого понятия (с. 9–40). Автор же останавливается на термине «русская мова», помещаемом в кавычках, который наиболее удачно характеризует язык исследованного им памятника Литовского статута 1588 г. «Из всех многочисленных определений “западнорусского языка” предпочтение было отдано названиям, рожденным в его же недрах: “русская мова” (РМ) и “простая мова” (ПМ)», – пишет автор (с. 34). Отмечая тот факт, что оба эти понятия употреблялись недифференцированно, В. Мякишев далее утверждает, что это не были два самостоятельных языка: «При всех своих различиях “мовы” остаются в отношениях неразделимого единства, поскольку представляют одну языковую систему,

базирующуюся на общей восточнославянской (белорусско-украинской) основе и несущую отчетливые приметы польскоязычного воздействия... ПМ в своем возникновении и развитии опирается на практику РМ, усваивает необходимые для себя ее “достижения”, чтобы в совокупности составить единый язык тогдашней интеллигенции восточных земель Речи Посполитой» (с. 39). Термин «русская мова» возник в недрах этого языка: «...Первые фиксации РМ (в варианте руский языкъ) применительно к канцелярскому языку княжества следует искать в письменных текстах 60-х гг. XVI в., во всяком случае раньше это понятие ни в грамотах, ни в актах, ни в законодательных постановлениях обнаружить не удалось. Утверждению и распространению нового определения могло способствовать его упоминание в документе государственной важности. Таким оказался Статут 1566 г.» (с. 36). В исследовании языка Литовского статута, напечатанного в 1588 г., с полной обоснованностью исследователь применяет термин «русская мова», который помогает выявить специфику канцелярской речи того времени.

Перед нами предстает книжный язык Великого княжества Литовского, отраженный в драгоценном с юридической, административной и интеллектуальной точки зрения памятнике XVI века. Язык Статута 1588 г., над которым трудились замечательный стилист подканцлер Лев Сапега и канцлер Остафий Волович, избрал в себя новые и старые формы, свою и иноязычную лексику, отразив многовекторное